

Время катилось стремительно. За этот год Гу Хэсюань успел постичь невероятно много. Основы онмёдо, заклятия пяти стихий, построение защитных барьеров и техники запечатывания — Асакура Хао не утаил от него ни крупницы знаний. Он щедро делился всем, чутко подстраиваясь под особенности ученика.

К тому же Сюань не знал, догадался ли наставник о чём-то, но после того памятного раза Хао больше не прибегал к экстремальным тренировкам духа.

А вот сам юноша времени зря не терял. Постоянно погибая и воскресая на тренировочных аренах системы, он закалял свою духовную силу с поистине бешеной скоростью.

И вот теперь, когда Сюаню шёл лишь пятнадцатый год, наставник уже вовсю готовил его к сдаче официального экзамена на звание онмёдзи.

Юноша и сам чувствовал, как за этот год совершил колоссальный скачок. И пусть в глазах Хао он всё ещё оставался зелёным новичком, среди сверстников он ушёл вперёд на целую вечность.

Но больше всего Хэсюаня трогала забота учителя. Тот самолично рекомендовал его для выполнения поручений Императорского бюро онмёдо. Эти заказы не только открывали доступ к редким фолиантам из архивов Бюро, но и приносили звонкую монету.

Настоящие деньги!

Поэтому во взгляде, который Хэсюань то и дело устремлял на Асакуру Хао, сквозило чистейшее благоговение. Такого наставника и впрямь днём с огнём не сыщешь.

Хао со снисходительным изяществом принимал безмолвное восхваление своего маленького ученика. Он до сих пор не мог взять в толк, что означают эти странные словечки, то и дело всплывавшие в мыслях Сюаня — все эти загадочные «2333», «6666», «донат» или «финики с пилюлями». С последним поначалу вышла забавная промашка: Хао долгое время искренне полагал, будто его подопечный просто обожает сушёные плоды унаби и горькие лекарственные шарики. Позже выяснилось, что этот нелепый образ в уме Сюаня означал лишь одно — «скорый и неизбежный конец».

Но одно Хао знал наверняка: его ученик испытывал острую, почти патологическую нужду в деньгах.

Он смутно догадывался о тайне, которую скрывал юноша. Похоже, тот заключил контракт с какой-то прожорливой сущностью, требовавшей золота, и именно благодаря этому призывал своих диковинных шикигами.

«С такой-то страстью к накоплению... не сошёл ли он со свитков самого бога Эбису?» — порой с

иронией размышлял Хао.

Впрочем, в совместном житье крылась ещё одна прелесть. Сюань внешне всегда оставался образцом невозмутимости, но внутри у него бушевал непрекращающийся ураган мыслей. Фонтан его мысленного сарказма бил столь неиссякаемым ключом, что Хао находил эти тирады куда более интересными, чем разговоры обычных людей. Постепенно он ловил себя на том, что с нетерпением ждёт очередного едкого комментария от своего ученика.

Особенно его веселили странные, но на редкость меткие фразочки, которые Сюань отпускал в адрес столичных интриганов. «В жизни не видывал столь наглого и бесстыжего отребья», «Ничего не понял, но преисполнен трепета», «Утопаю в волнах и не знаю, что делать» или «На душе полный штиль, а на губах — глумливая усмешка».

Иногда всё это сводилось к короткому, исполненному вселенской скорби вздоху: «М-да».

Если раньше Хао утомляла людская фальшь, то теперь, сопоставляя сладкие речи придворных с безмолвным ядом своего подопечного, он едва сдерживал улыбку. За этот год характер молодого мастера заметно смягчился, он стал куда приветливее и открытее.

Сам же Гу Хэсюань постепенно превращался в преданного фаната своего учителя. Прежде он явно недооценивал масштаб личности Хао. Только начав обучение, он осознал, что этот молодой онмёдзи овладел искусством трансформации пяти стихий на запредельном уровне.

Это был уровень великого мастера, не иначе.

Согласно канонам древней философии, вселенский эфир рождает инь и ян, которые затем претворяются в пять первоэлементов. Силы эти пребывают в вечном цикле порождения и преодоления. Обычный практик способен лишь следовать естественному течению энергии, но Хао легко обращал законы вспять. Хэсюань лично видел, как наставник лёгким движением руки превращал бушующее пламя в чистую воду, а воду — в плодородную землю.

Астрономия, картография, предсказания по звёздам — Хао не было равных ни в чём. Даже его каллиграфия, стихи и живопись превосходили творения признанных столичных мудрецов.

В такие моменты Хэсюань лишь вздыхал, признавая существование истинных гениев. В своей прошлой жизни в этом возрасте он едва ли мог похвастаться чем-то подобным... Впрочем, эти грустные воспоминания он предпочитал отбрасывать.

Одно юношу озадачивало: почему при столь феноменальном таланте наставник не спешил делать карьеру при дворе и занимать место своего учителя? Но, списав это на благородную отстранённость от мирской суеты, Сюань быстро успокоился.

Сам он тоже не рвался в высший свет. Общаться со столичной аристократией, чей парадный

облик вызывал у него содрогание, юноша не желал.

Придворная косметика Хэйана казалась ему изощрённой пыткой для глаз. Лица, густо покрытые свинцовыми белилами до мертвенной бледности, выщипанные брови, вместо которых над переносицей красовались две нелепые тёмные кляксы... Но венцом этого кошмара были зубы, которые по традиции чернили специальным лаком. В самый первый раз, столкнувшись лицом к лицу со знатной дамой при полном параде, Хэсюань едва подавил порыв выставить вперёд кулаки и закричать: «Какая нечисть! Изыди, тварь, отведай кулака!»

С тех пор привычка аристократов прятать лица за веерами виделась ему величайшим благом, спасающим его расшатанную психику от неконтролируемого применения боевых заклятий.

Тем временем система словно признала его успехи: Сюаню открылся полный спектр навыков легендарного Абэ-но Сэймэя. И хотя знания, полученные от Хао, не отображались в игровом интерфейсе, они прекрасно сочетались с системной магией, усиливая его боевой потенциал.

В последнее время Хао почти не покидал усадьбу Камо-но Тадагу. Старый мастер угасал, и верный ученик преданно ухаживал за ним.

Хэсюань понимал чувства учителя. Тадагу когда-то подобрал осиротевшего Хао на улице и заменил ему отца. Первые дни юноша ходил туда вместе с наставником, но затем Хао мягко отослал его обратно, велел сосредоточиться на делах в Бюро.

Сюань не стал перечить. Он отложил сдачу экзамена и проводил дни в библиотеке Бюро, совершенствуя свои навыки.

Сегодня в коридорах ведомства царил странное оживление. Хэсюань, обычно державшийся в стороне, почувствовал эту перемену и окликнул одного из младших учеников:

— Что-то стряслось?

— Ах, господин Гу! — поспешно склонился тот. Для простого послушника Хэсюань, ставший личным учеником самого Асакуры Хао, был фигурой недосягаемой.

— Сэн, сегодня нас ждёт весьма любопытное зрелище, — раздался за спиной неторопливый голос Дорё. Он подошёл ближе, мягко улыбаясь. — Говорят, сегодня в Бюро прибывает на практику внук самого великого Абэ-но Сэймэя. Оттого и шум. Всем не терпится взглянуть на него.

— Вот оно что, — Хэсюань вежливо поклонился старшему товарищу и отпустил послушника: — Благодарю, не буду больше отвлекать.

— Да бросьте, пустяки, — замахал руками тот и быстро ретировался.

— Давно не виделись, господин Дорё, — улыбнулся Сюань.

Последний раз они встречались пару месяцев назад у ворот Судзаку, когда Хэсюань помогал наставнику обновлять защитные барьеры. Дорё тогда только вернулся с тяжёлого изгнания духов. Сейчас он выглядел бодрым, а его аура заметно окрепла — очевидно, после инцидента в заброшенном поместье Асия Доман взялся за обучение преемника со всей строгостью.

Дорё, глядя на Хэсюаня, тоже мысленно поражался его прогрессу. Всего год назад этот мальчик казался лишь многообещающим новичком, а сегодня его сила вызывала невольное уважение.

— Интересно, каков из себя внук мастера Сэймэя? — задумчиво произнес Сюань.

— Пойдём да поглядим, — предложил Дорё. — Дотин тоже сгорал от любопытства, но учитель запер его в келье за какую-то провинность, так что он пропускает всё веселье.

Переговариваясь, они направились к западному крылу.

Все новички в Бюро делились на две категории: обычные ученики и знатные практиканты. Последних, несмотря на статус, поначалу всё равно загружали рутинной работой вроде разбора старых архивов.

Остановившись в тени крытой галереи, Хэсюань и Дорё бросили взгляд во двор. В окружении старейших онмёдзи стоял невысокий, явно растерянный подросток. На его плече, свернувшись клубком и лениво зевая, восседал странный белый зверёк с длинными ушами.

— Это и есть господин Абэ-но Масахиро? Совсем ещё ребёнок, — удивлённо шепнул Сюань.

Великому Сэймэю уже перевалило за шестьдесят, а его внуку едва исполнилось тринадцать. Для эпохи, где мужчины заводили семьи в четырнадцать, такая разница поколений казалась почти невероятной.

— Да, он младший сын господина Ёсимасы, — пояснил Дорё, припомнив слова своего учителя. — Говорят, старшему сыну в их семье уже под тридцать. И поговаривают, будто мастер Сэймэй видит своего преемника именно в этом мальчике.

— Теперь понятно, — кивнул Хэсюань, не сводя глаз с пушистого спутника на плече подростка. Очевидно, дед отправил своего личного шикигами присматривать за любимым преемником.